

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПЛЕННАЯ ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Галина Владимировна Романова

Пленная птица счастья

Серия «Детективная мелодрама»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25721915
Пленная птица счастья: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089368-3

Аннотация

Кто знает, вступая в игру, как далеко могут завести взятая на себя роль, сценарий, сочиненный не тобой, стены лабиринта, выстроенные кем-то? Следователь, жертва, разлучница, мстительница – каждая из них затеяла собственную игру, и каждая угодила в клетку, из которой без любви и руки, протянутой снаружи, не вырваться...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом!
И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	54
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Галина Романова

Пленная птица счастья

© Романова Г.В., 2017

© Оформление. ООО Издательство Э, 2017

* * *

Самый факт встречи, которую ему назначили, испортил утро и прервав завтрак, настораживал. И даже не то настораживало, что встречу ему назначили как в шпионском детективе – в безлюдном месте, в темное время. А то, что вообще позвонили. Ему! С предложением, в котором – он подозревал – ничего хорошего нет.

Человек, тот, что позвонил, очень нервничал. И торопился. Старался, чтобы его нельзя было узнать по голосу, – нарочно гнусавил, кажется, даже прикрыл рот платком. Глупость какая. Он же все равно явится на встречу, что секретничать?

И это тоже не нравилось. Потому что он сразу понял: этот тип, который как-то узнал о нем или узнал его, совершенно глуп. А с глупыми он не любил иметь дело. У него вообще сейчас ни с кем никаких дел. Он от них отошел – давно, уже лет семь. Как, скажите, этот тип о нем узнал?

Вопрос.

Он отложил в сторону телефон. Взял столовые приборы и несколько минут сидел с вилкой и ножом, не шевелясь. Тупо рассматривал мобильник. Омлет с помидорами остывал, остывал кофе, который он готовил с таким удовольствием.

Откуда этот человек узнал о нем? Именно о нем? Он же семь лет ни с кем не выходит на контакт. Ни с кем из прежней опасной жизни. Он уехал далеко от мест, где так опасно прославился. Ясно дал понять, чтобы его не беспокоили. Что беспокоить его – опасно, черт побери.

Сем лет тишины. И вдруг этот звонок, испортивший ему утро. Этот остывающий завтрак.

Кто? Кто мог звонить? Кто-то из близких тех, кого он когда-то устранил? Его выследили? Жаждут мести – поэтому пытаются завлечь в ловушку и назначают встречу у черта на рогах в половине первого ночи?

Не пойти было нельзя. Он должен знать, кто осмелился его побеспокоить. И пойти нельзя: это сто процентов ловушка. Значит, что?

Значит, надо тщательно подготовиться. Времени предостаточно.

Он все-таки съел остывший омлет, выпил холодный кофе. Было невкусно, но выбрасывать еду он не мог – грех. Не торопясь, убрал со стола, вымыл посуду, расставил все по полкам и по новенькой, недавно собственными руками сколоченной лестнице спустился в подвал.

Сорвал с крюков тяжелый занавес из толстого брезен-

та. Дернул за ручку у самого пола. Потайная мощная дверь плавно съехала внутрь. Он протиснулся в узкий проход, нашарил выключатель слева от входа, щелкнул. Яркие лампы осветили три стеллажа с оружием, мишени у дальней стены. Это была его оружейная комната. Любимая комната. Он перевез ее с последней квартиры, из прошлой жизни. Искренне надеясь, что здесь это ему не понадобится. Что здесь он будет просто заниматься, чтобы не потерять навык.

И вдруг!

Он выбрал пистолет, не засвеченный ни в одном деле. Накрутил глушитель. Нож в ножнах – на щиколотку. Без этого никак, с этим он практически не расставался.

Вышел из оружейной через двадцать минут, успел любовно погладить каждый предмет в своей коллекции. Вернул на место дверь, снова повесил на крюки тяжелый занавес. Для надежности пододвинул верстак. Поднялся в дом, прошел в гостиную. Сел на углу дивана у глухой стены напротив входа. И застыл.

Он знал, что просидит так до самого вечера. Будет сидеть и думать. Взвешивать, вспоминать, сопоставлять, рассчитывать. Так было всегда раньше, и в этом состоял залог успеха. Потом поужинает, оденется и поедет к назначенному месту. За три-четыре часа до назначенного времени. Чтобы осмотреться, чтобы занять выгодную позицию. Чтобы быть готовым ко всему.

Это тоже всегда себя оправдывало. Это всегда его спасало.

Ужин перед выездом, как обычно, легкий. Мысли должны быть ясными, сна – ни в одном глазу. Он зажирел сейчас на вольных хлебах, мог уснуть и в начале одиннадцатого. Поэтому на столе ничего, кроме куска вареной курицы и овощного салата. И еще – в обход правил последних лет – кружка с черным крепчайшим кофе. И кофе с собой в маленьком термосе.

Он поужинал, все убрал, помыл, расставил. Осмотрел кухню – полный порядок. И пошел одеваться.

Полка с его рабочей одеждой на антресолях. Думал уже, что не понадобится никогда, поэтому так высоко убрал. Черные плотные штаны в обтяжку. Черная водолазка, теплая, удобная. Черная шапка с прорезьями для глаз – на всякий случай. Это когда объект должен был выжить. Удобные ботинки на мягкой подошве.

Оделся. Глянул на себя в зеркало, и сделалось тошно. Неужели это никогда не кончится? Неужели так и будет преследовать его до последних дней? А как же семья, о которой он так мечтал? Как же дети, которых хотел не меньше трех? Для кого он, черт побери, купил этот дом? Большой, основательный, безопасный. Потребность о ком-то заботиться давно не дает ему покоя. Он даже начал ходить на свидания, уже пару лет как. Правда, пока не нашел ту единственную, которая поделила бы его взгляды и согласилась бы быть с ним и в радости и в горе. Но ведь ищет!

И вдруг снова звоночек из прошлого. Что за сволота его

обнаружила? Ничего, уже через несколько часов он все будет знать.

Человек, который звонил утром, явился строго в назначенное время. Глупец! Остановил машину – номера, кстати, ему ни о чем не говорят. Минут пять не глушил двигатель. Потом выбрался на воздух, походил туда-сюда. Зашел в свет стоп-сигналов. И вот тогда...

– Вот сука! – прошептал он, не выдержав. – Ладно, сейчас я тебя встречу.

Заказчик как раз полез в карман за телефоном, когда ему в затылок уперлось дуло пистолета.

– На колени! – скомандовал он. – Или выстрелю.

Тот послушно шлепнулся на колени. Всхлипнул.

– Как на меня вышли? – Это был первый вопрос.

– Вас узнали. – Голос дребезжал, стал каким-то бабьим. – Удивились, что вы здесь делаете. Когда выяснили, что живете уже семь лет, решили взять на заметку.

– О как. – Он помрачнел. – И кто же это? Кто меня узнал?

– Я, – нехотя признался тип и поежился от страха. – Я один. Больше никто.

– Понятно. – Он нехотя убрал пистолет. Убивать эту суку у него права нет – не за что. Пока не за что. – Что за дело?

Руки, поднятые высоко над головой, дрогнули. Одна поползла вниз.

– В чем дело? – рявкнул он и уперся твердым пальцем в затылок гостя. – Руки наверх!

– Фотография. В кармане. Можно? Можно достану?

– В каком кармане? – Он наклонился и пошарил по карманам чужого короткого пиджака из хорошей кожи. – В левом?

– Так точно.

Вытащил фотографию. Посветил крохотным фонариком. Красивое девичье лицо. Совсем юное.

– И? – Он сунул фотографию этому в пиджаке под нос. – Чего хочешь?

– Она... Она должна исчезнуть.

– Как исчезнуть?

В арсенале его услуг, между прочим, была и такая – оставить человека в живых. Таких он просто отправлял в бордель или в рабство. Оттуда редко возвращались. Почти никогда.

– Исчезнуть из города? – уточнил он, а сам разглядывал краем глаза портрет юной красавицы.

– Из жизни, – выдохнул страшным шепотом мужик. – Не хочу никогда больше слышать о ней. Никогда! И чтобы следа ее не нашлось. И это, никаких борделей или хлопковых плантаций. Она должна сдохнуть, понял? Исчезнуть. Чтобы не нашли ни живой, ни мертвой. Все понял?

За это вот повторное повелительное «понял» сразу получил ребром ладони по затылку. Хрюкнул, пискнул, упал мешком к его ногам. Минуту было тихо, потом там, внизу, завозило. Мужик попытался подняться. Он не стал мешать – пусть встает. Он все понял, взял фотографию. На об-

ратной стороне нашел имя, фамилию, адрес. И сумму гонорара.

– Аванс? – Он перевел взгляд на заказчика.

– В машине. – На негнущихся ногах мужик подошел к машине, достал с заднего сиденья портфель, порылся и вытащил две пачки в банковской упаковке. – В два раза больше после исполнения.

Вознаграждение было более чем щедрым. Он никогда столько не брал за свои услуги. Не спросить не мог.

– А что так много? Ты же знаешь мой тариф.

– Знаю.

– Так почему так много?

– Чтобы наверняка. Чтобы уже никогда о ней не слышать. Чтобы тела не нашли. – Он говорил с ненавистью и медленно отступал задом к водительской двери.

– Вопрос. – Он придержал ногой дверцу, чтобы тип не ускользнул раньше времени.

– Да-да, слушаю.

Тип послушно обернулся, сгорбился искательно. Как если бы пытался заглянуть ему в глаза. Бесплезное занятие. Во-первых, ночь, ни черта не видно. Во-вторых, ни при каком освещении в его глазах ничего не прочесть. Его взгляд, его душа – черные дыры для окружающих.

– Что она тебе сделала?

– Кто?

– Эта девушка. Кто она тебе? Где и как перешла дорогу?

Ему правда было интересно. Они не могли быть конкурентами, для этого девица слишком молода. Не могли соперничать – это сто процентов. Такая не могла оскорбить, унижить. Он неплохо разбирался в людях. Понял вот даже по фотографии, что девчонка наивная и не гадкая.

– Что она тебе сделала? Где перешла дорогу? Это не любопытство. Я должен знать об объекте все.

– Она... – Заказчик неопределенно поводит рукой. – Она не переходила мне ничего. Она просто... Я ее ненавижу. Просто. Ненавижу. Люто.

Глава 1

Легкая тюлевая занавеска колыхнулась, длинный край скользнул по паркету. Снова они забыли закрыть форточку. С улицы нанесет пыль, придется перед уходом протереть подоконник и мебель. Она вздохнула, завозилась под чужим тонким одеялом. Открыла глаза и скосила их влево.

Там спал Антон. Мужчина ее мечты. Ее рыцарь.

Он спал, широко раскинув сильные руки. Так широко, что ей пришлось отползти почти на край скрипучего дивана. Всякий раз они раскладывали его впопыхах, потому что спешили, потому что задыхались от желания, потому что не было сил терпеть. Коротко стриженная голова Антона ровно посередине хлипкой подушки. Он спал лицом вверх – как будто нарочно, чтобы она каждый раз замирала от нежности, рассматривая его профиль.

Антон, он...

Он был удивительный – красивый, как бог, сильный, загорелый, сексуальный. Он творил с ней такие вещи!

Она застыдилась, тяжело вздохнула, спрятала голову под одеяло.

Почему она ему все позволяет? Почему разрешает делать с собой это? Потому что ей нравится? Да нет же, нет! Ей совсем не все нравится. Многого она стыдилась. Кое-что просила не повторять никогда. Он послушно кивал, загадочно

улыбался и на следующий раз придумывал что-то новое, от чего становилось так же стыдно.

Так почему же она позволяет ему все? Потому что любит? Или потому, что о нем мечтают многие девчонки, а он выбрал именно ее? Или потому, что он не по возрасту крут? Он занимался всеми модными видами спорта: прыгал, летал, качался, плавал. Мастерски водил машину. Гонял на байке, правда, на чужом – когда угнал его у тренера. Но все равно он умеет все.

И в сексе он был виртуозом, наверное. Ей сложно было судить – не с кем сравнивать. Антон был ее первым мужчиной. Ее первым в неполные семнадцать лет.

Когда она об этом думала, всегда становилось не по себе. Никогда ведь и в мыслях не было, что все у нее будет именно так. Что все случится так стремительно, в незнакомой квартире, на скрипучем старом диване и чужих простынях. И что потом все будет повторяться, а у нее не останется сил возразить. Что она станет врать, прогуливать пары, заискивать перед подругами, чтобы прикрыли.

Она мечтала, что ее первым мужчиной будет муж. Первым и единственным в ее жизни. И все у нее будет красиво, как в самом прекрасном кино. У них будут долгие встречи, разговоры. Он будет осыпать ее цветами, будет заботиться, волноваться за нее. Потом он сделает предложение в каком-нибудь экзотическом месте. И она, конечно, согласится. Будет свадьба – пышная, с белым платьем и фатой, с толпой гомо-

нящих гостей, криками «горько» и сладкими поцелуями под аплодисменты. А когда наступит первая ночь, ее избранник убедится, что она чистая и честная, что ждала только его, и плевать ей было на глупые разговоры, мол, девственность сейчас не в моде. Она...

Алина вдруг почувствовала, что задыхается. Осторожно выскользнула из-под одеяла, пробежала на цыпочках по старому паркету, шлепнула ладошкой по выключателю и уже в ванной расплакалась.

Она гадкая! Гадкая, гадкая! Она занимается непотребными вещами в этом странном месте. С парнем циничным и опасным, с человеком, которого никогда бы не одобрили ее родители. А дед бы сказал, что...

Да ничего бы дед не сказал. Он просто взял бы ружье и отвел их под дулом в загс. И заставил соблюсти приличия – расписаться и стать семьей.

А какая из них с Антоном семья? Да никакая.

Кто он и кто она? Она умница, отличница, с перспективой возглавить со временем бизнес отца. Он порочный опасный тип, непонятно, на что живет и чем занимается. Он давно бросил школу и с горем пополам окончил местный колледж. Спросите, на кого выучился? На повара! Да ее бы высмеяла вся семья, приди она рука об руку с Антоном в дом. Высмеяли бы, посадили под замок и отправили учиться за границу – чтобы неповадно было связываться с голытьбой.

Что-то в этом духе непременно вырвалось бы у Светла-

ны – жены отца, которая воспитывала ее с пятилетнего возраста и давно уже стала ей роднее любой матери.

Алина вздрогнула – услышала, как в комнате громко хлопнула форточка. Антон проснулся! Если он увидит ее в слезах, обязательно начнутся расспросы. Будет смотреть на нее этим своим странным взглядом, под которым она с первой минуты знакомства чувствовала себя голой.

Он читал ее! Он знал ее лучше, чем она саму себя! В этом и заключалась причина ее стремительного грехопадения. И еще то, что он красавчик. И отказал ее лучшей подруге, с которой они в постоянном соперничестве. И еще у нее кружилась голова, когда Антон ее целовал, и странно подгибались ноги, и тело наливалось сладко тянущей тяжестью. И, конечно, то, что его никогда не одобрили бы ее родители.

Как много причин! Как много глупых, нелепых причин.

Алина уставилась на собственное отражение в старом мутном зеркале над треснувшей раковиной. Невероятно хороша. Удивительная белая кожа, гладкая, без синяков и прыщей. Голубые глаза, изящно подправленные косметологом брови и ресницы. Русые волосы с пепельным отливом, длинные, густые, тяжелые. В немыслимые суммы обходятся Светлане эти ее волосы. И такие же немыслимые она готова тратить на фигуру падчерицы – фитнес-центр, массажист, spa-процедуры.

– Тело женщины – ее оружие! – любит повторять она, любовно оглядывая Алину. – Если оно совершенно, никто не

устоит в этой войне. Запомни, милая: никто! Ты можешь покорить любого. На тебя уже знаешь кто засматривается?

Светлана перечисляла громкие фамилии и принималась планировать ее будущее. И придумывать имена ее детям.

Своих детей у Светланы с Алининым отцом не было. Причину она не знала, никто и никогда об этом не говорил. Алина неоднократно ловила себя на том, что ей не хватает брата или сестры. У ее подруги Инны Голубевой, той самой, что заглядывалась на Антона, двое братьев, оба старше, и младшая сестра. Инка, по ее словам, просто повеситься иногда готова из-за такой толпы в доме.

– Везет тебе, Алинка! Ты одна!

– Я бы хотела иметь брата или сестру, – возражала Алина и напоминала, как сама Инка плакала, когда брат попал в аварию. – Ты ведь любишь их всех. Очень любишь.

– Люблю, – кивала Инна. – Но надоели. И тебе все равно завидую. И ты это, не очень-то переживай, что Светлана твоему отцу никого не родила.

– Почему?

– Да потому, что стала бы любить своего больше, чем тебя. А так – она же тебя просто обожает!

Алина потрогала вспухшие от поцелуев губы. Интересно, стала бы Светлана обожать ее по-прежнему, узнай она об игрищах с Антоном на старом скрипучем диване?

Она пустила воду, набрала полные пригоршни и плеснула себе в лицо раз, другой, третий. И тут же вздрогнула – Антон

с силой дернул за дверную ручку.

– Эй, малыш! – позвал он негромко: кричать в этой квартире было нельзя. – С тобой все в порядке?

– Да. – Она ответила так же негромко. – Я сейчас.

Она плескала в лицо ледяной водой до тех пор, пока следы недавних слез не исчезли. Потом влезла в облупившуюся ванну и наскоро приняла душ. Вытерлась полотенцем, которое они – одно на двоих – приносили с собой. Пятерней причесала волосы. Обмоталась полотенцем, чтобы не выходить на яркий дневной свет голой. И открыла шпингалет.

Антон сидел на диване к ней спиной и с кем-то переписывался. Он уже полностью оделся, даже диван сложил. Постельное белье неряшливым облаком валялось на полу. Складывать и расталкивать все в шкафу со скрипучими дверками должна была она, так повелось. Поначалу ей это нравилось. Она ощущала себя рано повзрослевшей, хранительницей пускай и не настоящего, но очага. И хлопотала с постельным бельем, нехитрыми бутербродами, уборкой – чтобы не оставлять после себя следов.

Сегодня это все ее вдруг взбесило.

– Ты что, не собираешься меня больше сюда приводить? – Алина демонстративно обошла стороной облако постельного белья на полу.

Антон быстро закрыл сообщение, убрал телефон в задний карман, обернулся и посмотрел как-то странно. Потом качнул головой.

– Да, мы сюда больше не придем, малыш.

Она растерялась. Переводила непонимающий взгляд с одеяла и подушек на Антона.

– Ты меня бросаешь, я правильно понимаю?

Сердце подпрыгнуло теннисным мячиком и заметалось, заметалось. Животу сделалось холодно.

Он принял решение? Он что-то надумал, пока она мучилась и редела в этой задрипанной ванной? Он решил за них двоих?

Алина на мгновение зажмурилась и постаралась дышать ровно. Нужно принять реальность как неизбежность, так, кажется, учил ее тренер по йоге? Измени отношение к проблеме, если саму проблему решить невозможно.

Итак, что же будет, если он ее бросит? Что изменится в ее жизни?

Она перестанет прятаться – он больше не будет назначать ей свидания. Не нужно будет себя ломать, принимая его смелые ласки. Не нужно изворачиваться перед учителями, придумывать, как оправдать пропуски. Отпадет нужда врать родителям и деду. И умолять Инну прикрыть ее. И громоздить, громоздить пласт за пластом ложь – ей все это будет не нужно. Она станет свободна.

Но.

Но никогда больше не услышит его голос. Не почувствует на себе его горячее дыхание, не вдохнет запах его тела. Не увидит его глаза, губы. И никогда, никогда больше она не

будет от него зависеть! Не будет ждать его звонков и сообщений. А если она увидит его с другой, с Инкой, например, которая до сих пор о нем мечтает, тогда она...

Она просто этого не переживет!

– Ты решил со мной расстаться? – повторила она, потому что Антон не ответил – снова вытащил телефон из кармана и стал вчитываться в какое-то сообщение.

– С ума сошла? – просто ответил он и улыбнулся – то ли сообщению, то ли ей. – Просто хозяин квартиры поднял аренду, а мне столько не по карману. Платить так дорого за такой хлам... Эта рухлядь нас с тобой вряд ли долго выдержит.

Он подпрыгнул на диване. Диван тут же заныл, застонал старыми пружинами.

– Постель убери, – потребовал Антон. Встал, потянулся с хрустом. – Сегодня, малыш, я ухожу первым. Спешу. Ты прибери, оденься. Дверь захлопнешь, ключ оставишь в коридоре на полке. Все, детка, пока.

Поцеловал ее дежурно, без страсти. Она разозлилась. Попыталась схватить его за рукав куртки. Но он вывернулся, широко шагнул из комнаты.

– Антон! – звонко крикнула она ему в спину. – Ты какой-то не такой. Что случилось?

– Все в порядке. – Он щелкнул пальцами в ее сторону, криво усмехнулся, едва повернув голову. – Скоро все узнаешь!

– Что узнаю?

Внутри снова сделалось холодно.

– Все узнаешь! Тебя ждет невероятный сюрприз, малышка!

Он хмыкнул. То ли кашлянул, то ли хохотнул – поди поймай. И ушел, как всегда, осторожно закрыв дверь.

Глава 2

– Ростислав Иванович, мне это совершенно не нравится.

Его новая секретарша, которую он все никак не мог уговорить на секс без обязательств, положила перед ним папку с документами.

– Здесь никакого порядка. – Ее тонкий указательный пальчик с аккуратным коротким ноготком уперся в «ы» в слове «документы» на золотом тиснении. – Вам следует поговорить с экономистами – они совершенно бессистемно собирают бумаги в одну стопку. Никакого порядка! Я не могу разобраться в приоритетах их документооборота. И мне кажется, что это делается умышленно.

Догадалась, надо же. Он подавил улыбку, осторожно снял ее пальчик, распахнул папку.

– Так, так, так. Приоритетность, говорите, Сашенька.

Для вида полистал бумаги. Многое здесь вообще не следовало подавать ему на подпись. Макулатура, черновики. Покачал головой. Глянул на нее с теплой улыбкой.

– Вы такая умница, Сашенька. За этими экономистами глаз да глаз, – захлопнул папку, укоризненно покачал головой. И снова Саше: – Такая умница!

– Спасибо, Ростислав Иванович, мне об этом известно.

Пигалица заявила это с совершенно серьезным видом.

– Вот как?

Он удивленно поднял брови, оглядел ладную фигурку с головы до ног, снова посетовал на свою занятость и ее несговорчивость. И повторил:

– Вот как.

– Именно так, Ростислав Иванович. Я с третьего класса побеждала на всех математических олимпиадах. У меня золотая медаль и красный диплом. И в вашей приемной я потому, что желаю сделать карьеру и познать все с азов. А не для того, чтобы стать вашей...

– Моей – кем? – Он нахмурился.

– Любовницей, Ростислав Иванович! – выпалила Сашенька и жутко смутилась. – Простите, пожалуйста.

Он не стал никак реагировать на это смелое заявление, просто шевельнул пальцами – отпустил ее. Стоило ей выйти, как он запустил ей в спину папку с ненужными бумагами. И шепнул: «Тварь».

Сосредоточиться на делах не получалось, и он вызвал к себе зама. Верного друга и помощника Игоря Заботина, с которым вместе крутились в бизнесе уже лет двадцать. Вернее, крутился Игорек, а сам он успешно руководил им и еще десятками таких, как он.

Игорек для начала привычно сунул в дверь голову. Увидел разлетевшиеся бумаги, кожаную папку в углу, с пониманием кивнул. Вошел, плотно прикрыл дверь. И тут же принялся все подбирать. Для начала поднял папку, уложил ее на край овального стола для переговоров. Потом сложил все бума-

ги, выровнял края. Захлопнул. Прошел к начальственному креслу, сел на ближайший к шефу стул. Хмыкнул с пониманием, сопроводив свое хмыканье выразительным взглядом в сторону двери.

– Что, Ростик, не дает Сашенька? Или я не прав? – спросил с ухмылкой после паузы.

– Не-а. – Ростислав развалился в кресле, поиграл глазами, потом с коротким смешком вспомнил: – Знаешь, что она мне сейчас заявила?

– Что? – Заботин в предвкушении навис над столом, наклонился к шефу. – Что не желает быть твоей любовницей?

– Именно!

Друзья рассмеялись.

– Вот дура! – отсмеявшись, заявил Заботин. – Она в курсе, что такую почетную должность еще нужно заслужить?

– Видимо, нет. – Ростислав лениво поиграл золотой зажигалкой, валявшейся на столе без дела: сам курить давно бросил. – Ты бы поговорил с девчонкой, Игореша. Наставил бы на путь истинный. Мне ее ломать как-то не с руки.

– Ладно, поговорю. Только ты, дружище, зря время трапишь на эту дуру. Что тебе в ней? Какая-то она, как по мне, постная. И дура опять же.

– Э нет, не скажи. – Ростислав устремил мечтательный взгляд на дверь, отделяющую кабинет от приемной. – Она не дура. Далек не дура. Есть в ней что-то такое... Волнует, понимаешь?

Заводит.

– Конечно, заводит. Будет заводить, понятно, когда она тебе отказала. – Игорек хихикнул. – Но на почетную роль твоей любовницы после Стеллы, согласишься, она не подходит.

– Не подходит, – отрывисто ответил Ростислав. Насупился, уставился в окно.

Заботин притих. Тему Стеллы поднимать не стоило. С некоторых пор эта тема стала запретной. С того самого дня, как молодая красивая брюнетка оставила босса ради безродного аспиранта, с которым укатила в Америку. Ростислав тогда пробыл в агрессивном состоянии – постоите-ка, точно, четыре месяца. Целых четыре месяца! Четыре невыносимо тяжелых для окружающих месяца.

– Что там с нашим делом, Игореша? – Ростислав встрепнулся. – Ты порешал с этим головой? Как его там – Зайцев, кажется?

– Зайцев, – подтвердил Игорек.

Сразу сел ровно, затолкал ноги под стул, руки убрал со стола, сцепил ладони на коленях. Тема Зайцева еще паскуднее темы бывшей любовницы Ростислава. Они бились с этим уже третий месяц, и все ни с места. Ростик пригрозил недавно: если он не решит вопрос с главой местной администрации, будет уволен. А как решать? Кардинально?

– Так что с Зайцевым, Игореша? – Ростислав прищурился, соображал, к чему помощник так напряжился. – Надо полагать, ничего нового?

– Да, – коротко кивнул Заботин и съежился. – Непробиваемый он, Ростислав Иванович.

Когда дело начинало гадко пахнуть, Заботин предпочитал официальный тон.

– Та-ак, – протянул Ростислав, и в этом «та-ак» Игорек не зря расслышал угрозу. – Непробиваемый, значит?

– Так точно.

– Ты хочешь сказать, что испробовал все методы воздействия на этого чиновника? – недоверчиво прищурился босс.

– Не все, – честно признался Заботин.

– Говори давай, не заставляй из тебя по слову тянуть, Игореша! Докладывай, докладывай: какие методы использовал, какие планируешь. Какие оставил на крайний случай. – Ростислав повысил голос. – Не зли меня, твою мать! Рассказывай! Ты накопал на него что-нибудь?

– Нет! – не сказал, а выдохнул Игорек. – Нет на него ничего! Кристальный!

– Так не бывает, – сморщился Ростислав и даже повеселел. – Ты же понимаешь, что так не бывает.

– Понимаю. Но не нашел ничего. Я чуть до шахтеров не докопал. Ничего вообще! Обычная судьба обычного человека.

– Обычный, говоришь? Обычный человек из простого тренера вдруг превращается в главу района? Ты чего мне здесь лепишь, Игореша? – Ростислав с силой шарахнул кулаком по столу. – Где это видано, а? Где это слыхано – чтобы

честный тренер стал вдруг честным чиновником? Кто-то за ним стоит. Кто-то его двигал. Кто-то помог на выборах. Тебе ли не знать? В общем, если ты ничего не нашел, значит, или не работал ни черта, или ты с ним в сговоре. Что скажешь?

Заботин поерзал на стуле, сунул за узел модного галстука два пальца, чуть ослабил. Стыдно признаться, но, когда Ростик так себя вел, у него, взрослого сильного мужика, запросто кидающего пудовую гирю, начинали трястись колени.

Он не боялся расправы, не в этом дело. Ростик никогда бы не посмел. Он боялся его авторитета. Боялся, что тот перестанет уважать его, Игоря, за непрофессионализм. Боялся перестать быть главным в его свите.

– Ростислав Иванович, у него нет тайн. Я проверил всю его родословную, до начала прошлого века дошел. Все чисто и прозрачно. На выборы его погнал губернатор, который тоже кристальный, которого сами знаете кто назначил. Зачистка. Везде зачистка. Сейчас из всех структур вымывают народ при первом намеке на скандал. Устраивают показательные процессы и все такое. Все просто-напросто боятся.

– Хочешь сказать, что прошли наши времена? – недоверчиво хмыкнул Ростислав. Помотал указательным пальцем, как стрелкой метронома. – Ни хрена, Игореша! Не верю. И у нашего Зайцева есть тайны. Просто его тайны кто-то хорошо охраняет.

– Нет тайн, Ростик. Нет! – Заботин ухватил себя за горло, как будто собрался удавиться. – Не могу же я их выдумать,

ну!

Ростислав странно гыкнул. Вытаращился на помощника. Пошевелил губами. И вдруг заорал:

– Ай, молодца! Ай, молодца, Игореша! Подарок с меня за идею.

Соскочил с места, бросился чуть не бегом к дальней стене, в которую был вмонтирован бар. Открыл, погремел бутылками, вытащил из заднего ряда коллекционный коньяк. Захлопнул дверцу и вернулся к столу, за которым ежился его друг и помощник Игорек Заботин.

– На вот с барского плеча тебе. Жалую! – швырнул на колени другу дорогую бутылку в картонной тубе. Стукнул ладонью по плечу. – Ты умище, друг. Понял-то сам, что только что сказал?

Игорек поостерегся вот так сразу признать, что не разделяет восторги Ростика. Понял он, конечно, понял, за что тот зацепился. Но понятия не имел, как это можно провернуть.

Пакет с героином, что ли, Зайцеву в кабинет подбросить? С проституткой сфотографировать? Не прокатит: с проститутками Зайцев не знался, поскольку был счастлив в браке. А в кабинет к нему просто так не попасть – охрана. И люди в охране все верные. Он пытался одного-другого прощупать – бесполезно.

– Хочешь сказать, что скомпрометировать его невозможно? – нахмурился Ростислав.

– Практически. – Заботин обескураженно мотнул голо-

вой. – У меня не вышло, Ростик. Единственное, что у меня получилось, – договориться о вашей встрече в неформальной обстановке.

– Иди ты.

– Да. – Заботин глянул на часы. – Встреча через два часа в загородном кафе. Кафе выбирал я лично. Люди там надежные, от уборщицы до директора.

– И что, Зайцев вот так запросто согласился? – Ростик недоверчиво вывернул губы.

– Не запросто. Действовал через десятые руки.

Заботин вздохнул. Вспомнил, в какую сумму обошелся ему этот круг из десяти рук. Пришлось даже свои кровные вложить.

– Главное условие – ты должен быть один. Никакой охраны, никаких телефонов. Тебя обыщут – чтобы никаких подслушивающих устройств и прочего.

– Ты смотри. – Ростислав возмущенно засопел. – Меня, значит, обыщут? Он, выходит, с охраной будет, а я один? Замечательно. Замечательно, Игореша! Так ты устраиваешь наши дела?

– Я сделал все, что мог, Ростислав Иванович. – Заботин обиженно насупил. – На других условиях встречи не будет. Так мне было велено тебе передать.

– Понял я, ну! Чего дуешься?

Он выбрался из-за стола и походил по кабинету, не сводя напряженный прыгающий взгляд с оконных пролетов. Их в

его просторном кабинете было целых три.

Заботин проследил за этим скачущим взглядом. Он мог поклясться, что знает, о чем думает его босс и приятель.

Там, за окнами, намечалась весна. Снега почти не осталось. Ветки деревьев поменяли цвет. Сухой, скучно-серый потемнел, заблестел под солнцем. Почки набухли. Вот-вот, неделя-другая – и проклюнется зелень. Весенние ливни вымоют город до блеска.

– Самое славное время года, – задумчиво проронил Ростислав и остановился у среднего окна. – Как думаешь, Игореша, а со мной бы она полетела в Америку?

Так он и думал! Шеф снова вспоминал Стеллу. Он всегда вспоминает ее ранней весной. Все у них началось именно в такую пору – среди оживающих деревьев, на фоне настырно рвущейся молодой травы, в облаке горько-сладкого дыма от костра, в котором горел прошлогодний сорняк с ее участка. Тогда-то Ростислав ее и увидел. Молодую, гибкую, сильную, с растрепавшимися на ветру волосами, с граблями в руках. Увидел, поздоровался, услышал звук ее голоса – и пропал. Навсегда пропал, как он потом уверял Заботина. Влюбился крепко, но из семьи не ушел. Не сумел, как сам говорил. Не смог бросить постаревшую верную жену, любимую дочку, дом, устоявшуюся жизнь.

Не захотел, понял потом Заботин. Не хотел наблюдать, как Стелла с годами начнет превращаться в такую же старую верную жену. Не захотел новых детей. Не захотел строить со

Стеллой ту самую жизнь, к которой привык.

Стелла была умной девушкой, поняла все быстро. И бросила Ростика. Укатила с бывшим ухажером в Америку. Посчитала его более перспективным.

– Что молчишь, Игореша? Со мной бы она полетела в Америку?

– Нет, – буркнул он и встал.

– Почему это нет? – оскорбился вдруг Ростик.

– Потому что ты сам бы туда не полетел. Ни с ней, ни без нее.

– Почему же?

– Потому что тебе делать там нечего. У тебя здесь дел невпроворот. Поехали, поехали, друг, не тормози. Мне еще кое-что по дороге надо тебе сказать.

Ростик смотрел на него рассеянно. Когда он вспоминал Стеллу, в груди с левой стороны начинало ныть и покалывать. И накатывала такая тоска, что хотелось заползти куда-нибудь в дальний угол с бутылкой, надраться до слюней и с наслаждением повыть. Громко и долго.

Но Заботин прав. В Америку он бы ни с ней, ни без нее не полетел. Здесь дел невпроворот.

– Ладно, едем.

Он вытащил из встроенного шкафа легкий кожаный пиджак, накинул. Снял с крючка портфель, в котором не было ничего, кроме документов на машину и ключей от нее. Таскал скорее для имиджа, чем для дела. Для дела у него име-

ется Игорек.

Вышли на улицу, минут пять постояли на солнышке, наслаждаясь долгожданным теплом. И не сговариваясь, в ногу двинулись к машине Ростислава. Раз взял портфель, значит, поведет сам. Это по умолчанию.

– Так о чем ты хотел сказать, Игореша? – нарушил молчание Ростислав, когда до назначенного места оставалось километра три, не больше.

– Есть одна зацепка. Скорее даже не зацепка, а так, намек.

– Давай.

– Есть информация, что у нашего Зайцева может быть внебрачный ребенок. Дочь.

– Может быть не значит, что есть, – фыркнул Ростислав и остановился у заправочной станции. В кафе на заправке Игорь должен был его дожидаться.

– Согласен. Но все же вероятность существует, поэтому можешь блефовать. И следи за реакцией.

– А если он непробиваемый в плане чувств?

– Заодно и узнаешь. – Игорь выбрался на улицу, мечтательно сощурился на солнце. – Красота.

– Не разомлей тут, Игореша, – с легкой завистью кинул Ростислав. Вести переговоры без Игоря он очень не любил. – Помни, что я там, на передовой. Совершенно один.

– Помню. Всегда о тебе помню. – Друг скрестил пальцы. – Удачи, брат!

Глава 3

– Что же ты за человек такой, а? Инка, что же ты за человек, спрашиваю? В кого уродилась?

Забрасывая ее вопросами, отец так сильно вытаращил глаза, что в какой-то момент ей даже показалось, что они у него сейчас лопнут. Взорвутся, как крохотные воздушные шарики, брызнут на нее голубой слизью. А дальше он пойдет со своим ремнем уже вслепую. Станет спотыкаться о мебель, орать. И ни за что не найдет ее в этом двухэтажном доме, как ни будет стараться.

Но глаза остались на месте. Без особого труда он поймал ее за руку. Швырнул на диван и принялся наносить удары – один за другим, один за другим. И все приговаривал:

– Я выбью из тебя эту дурь! Выбью, сука ты ненормальная! Что удумала: животных мучить! Идиотка! Да еще на телефон снимать, дура! Да еще в интернет выкладывать! Знаешь, скольких сил и средств мне стоило замять скандал? Знаешь, сука?

Инна не знала, но по силе отцовского гнева догадывалась, что немало. Он неделю не выпускал ее из дома и все время с кем-то созванивался. Говорил противным заискивающим голосом – унижался. А унижаться отец не любил. Он любил унижать. Это у него получалось азартно, легко, виртуозно.

За это Инна его ненавидела.

Еще ненавидела за то, что он заделал матери четверых детей. Превратил ее в домохозяйку, наплевал на ее блестящие карьерные перспективы. Перестал видеть в ней подающего надежды юриста и просто красивую женщину. Превратил в бабу, которая к сорока годам расплзлась до того, что не влезала в кожаное кресло в гостиной.

Что еще?

Еще Инна ненавидела его за старших братьев, которых он воспитал себе под стать. И еще за младшую сестру ненавидела, которую отец любил больше, чем ее.

Что еще?

Очень хотелось, чтобы однажды он все-таки не вернулся из рейса. Сгинул к чертям собачьим где-нибудь на просторах необъятной родины. Они все обрели бы наконец свободу. И еще деньги, а их у этого скряги водилось немало. А после того, как они поделили бы наследство, Инна наконец убралась бы из этого дома, который тоже ненавидела.

– Вот что ты за человек, дочь? – Он выдохся наконец, отшвырнул ремень и отошел от дивана. – Я ее луплю, а она не пикнет. И с детства ты такая упертая. Тебе же больно. Больно? Больно, я спрашиваю?

Инна пискнула, когда его толстые пальцы схватили ее за ухо и приподняли с дивана.

– Больно? – Толстые губы отца сложились в довольную ухмылку. – Вижу, проняло, сучка малахольная. – Это хорошо. А теперь садись и слушай.

Инна послушно уселась на самый край диванной подушки, чтобы не задеть то место, куда ремень попал трижды. Конечно, ей было больно, просто признаваться не хотелось. Чтобы не доставлять удовольствие этому толстому уроду. Чтобы не унизить себя слезами. Она привыкла сдерживаться, привыкла терпеть.

– В общем, так, дочка. – Отец сел в кресло напротив, с трудом закинул одну толстую ногу на другую. – Я тут подумал, с братьями твоими посоветовался и решил, что после школы ты идешь работать в мою компанию.

– А как же институт? – Она посмотрела на него исподлобья. – Ты же бабки вложил в подготовительные курсы.

– На заочном отделении станешь учиться. – Мощная ладонь отца шлепнула по кожаному подлокотнику кресла. – Нечего зад просиживать на лекциях, толку никакого. Да и не станешь ты там сидеть. Снова начнешь прогуливать, я тебя знаю. А будешь мне в бизнесе помогать – я тебе копейку стану платить. И, может, даже разрешу съехать на съемное жилье.

– Правда? – Инна боялась поверить.

Избавиться от семейства, сбежать за тридевять земель было ее главной мечтой.

– Я сказал: может быть. – Отец назидательно поднял указательный палец. – Если я увижу, что ты поумнела. Что наконец избавилась от пагубной страсти к насилию над животными. Что научилась считать копейку и, главное, научилась

ее зарабатывать, тогда...

– Ты еще мешок гороха с фасолью перемешай и заставь перебрать, – фыркнула она. – Как Золушку.

Смотреть на самодовольную рожу отца было невмоготу. Захотелось сразу сдавить его шею веревкой и подвесить на крюк, как шелудивого пса, которого она не так давно казнила.

Гадкий, очень гадкий человек ее отец. И ее сделал такой же. Вырастил по образу своему и подобию, хоть и боится себе в этом признаться. А ведь она вся в него. Такая же злая, жестокая, не ведает жалости, боли, не знает сочувствия.

– Золушка не Золушка, а попыхтеть тебе у меня придется.

– И чего, вместо тебя с дальнобоями ездить в командировки? – Она ухмыльнулась. – Не боишься, что соврашу твоих водителей? Всех до единого.

– А вот ездить тебе никуда не придется. Сопля еще. – Он, пыхтя, полез из кресла. Уже стоя, скатал в колечко ремень, сунул в объемный карман. – Я не просто так езжу, дура. Я их проверяю – где кроют, где нет. Где в самом деле опасный участок, а насчет которого врут безбожно. Опять же важно знать все о клиентах – куда доставляем груз, откуда везем. И клиенты, и персонал, и о тех, кто на дороге балует. Держу, так сказать, руку на пульсе.

– Не надорвешься – с пульсом-то своим?

Инна осторожно поднялась, попыталась шагнуть и чуть не упала. Сволочь, повредил сухожилие – попал ей пряжкой

ремня прямо по тыльной стороне колена. Теперь придется разминать и делать компрессы, а то хромать будет неделю.

– Не надорвусь, не переживай. – Он, прищурившись, наблюдал за ней. Удовлетворенно улыбнулся. – Что, больно? Вижу, больно. Молодец, что терпишь. Моя порода! Хныкала бы – еще больше бы получала. А что касается бизнеса, Инка... Здесь ведь как – стоит ослабить хватку, как сразу сядут на шею, вцепятся в холку и заставят работать по-своему.

– Кто заставит? Водители, что ли?

Неинтересно ей было ни капли, просто уводила разговор в другую плоскость. Его внимания к себе она не терпела. И уж тем более ее не купить такой паскудной похвалой.

– При чем водители, дура. – Он улыбнулся, дотянулся, обхватил пальцами ее шею сзади и потащил с собой из комнаты. – Есть масса народу, кому мой бизнес нравится. И еще больше тех, кому хочется прибрать его к рукам. Ссориться с ними нельзя. С ними можно только дружить. Дружить и сторожить – каждый вздох, каждый поворот головы. Чтобы не проморгать, нам хватка нужна звериная. У твоих братьев, к сожалению, такой нет. А у тебя, дурочка моя, она имеется. Ты же выжить сможешь в любой ситуации. Жесткость в тебе есть, Инка, твердость. Из стали ты. Поэтому и хочу тебя к делам привлечь. Чтобы вникала. Чтобы изучала все с низов самых. Только о моих словах никому. Не дай бог братья твои узнают – сожрут и тебя, и меня. Все, дуй за стол, сейчас обедать будем. А через два месяца, сразу после последнего

звонка, идешь ко мне в контору.

– А как же экзамены?

– Экзамены? Ох, проблема какая. Это так, формальность. Сбегаешь на пару часов. Отпускать стану с работы на экзамены твои. И помни о моих словах, помни, – шепнул на ухо и только потом выпустил ее шею из своих пальцев.

Обедать она не стала. Присела для вида за стол, на чем свет проклиная эту гребаную традицию – наблюдать рожи семейства во время еды. Поболтала ложкой в тарелке с мутным супом. Ковырнула вилкой котлету. Поблагодарила мать, для порядка клюнула ее в вялую щеку. И поспешила смыться, пока папаше снова не пришло в голову завести с ней странный разговор. Да, еще пока братья не пристали с вопросами, о чем это они с отцом шептались.

Честно? Она не верила ни единому его слову. То же самое он мог поочередно нашептывать братьям, провоцируя в них желание выслужиться. Она выслуживаться перед ним точно не станет. Она станет...

Да! Она станет ему гадить! В тот момент, когда он упомянул о людях, ждущих его провала, о тех, кто не против прибрать к рукам его бизнес, Инна поймала себя на мысли, что уже уважает этих людей. И страшно хочет с ними познакомиться. В голове даже начал складываться план мести.

Быстро надела кожаную темную куртку, черные джинсы, кожаные высокие кроссовки и выскользнула из дома. Спрыгнула с крыльца, сразу повернула налево. Осторожно прокра-

лась вдоль стены, чтобы отец не заметил из окон столовой. Потом так же скользнула за дом, прокралась вдоль живой изгороди к задней калитке. Отперла ее собственным запасным ключом, который давно изготовила с отцовского. Только по ту сторону забора, на раскисшей тропе она с облегчением вздохнула. Свобода.

Она не видела и не могла видеть, как отец переходит из комнаты в комнату, наблюдая за ее передвижениями. Как он хмыкает и ощупывает в кармане ключ от задней калитки, который, как он думал, есть только у него. И как удовлетворенно улыбается и шепчет: «Моя девочка», когда Инна оказывается по ту сторону калитки.

Глава 4

Заботин больше нагнетал и придумывал, когда готовил его к встрече. Не было никакого тщательного обыска. Никто не водил по телу металлоискателем, не искал «жучков». Его просто встретили на автомобильной стоянке, попросили показать карманы и содержимое портфеля. Убедились, что телефона при нем нет.

Высокий крепкий парень в великолепно сидевшем костюме представился Валерием и коротко кивнул.

– Прошу, Ростислав Иванович, идемте за мной.

Попросил, не приказал. Даже, как показалось Ростиславу, вполне дружески улыбнулся. Он поставил машину на сигнализацию, подхватил ненужный портфель, в котором ничего, кроме документов на машину, не было. Послушно пошел за высоким парнем.

– Извините, что попросили вас приехать одного, – на ходу обернулся Валерий. – Ваш помощник... – Охранник Зайцева запнулся, подбирая слова. – Он иногда немного перегибает палку. И идет не лучшим путем.

Интересно, интересно. Что такого натворил Игорек? Пальцы гнул в районной администрации? Угрожал? Нет, он не мог. Он осторожный всегда, сейчас особенно.

– Что-то не так, Валера? В чем-то ошибся мой помощник? – Пришлось сделать над собой усилие и заговорить с

охранником.

Валера остановился возле ступенек, ведущих в обеденную зону. Замер в почтительной позе. Понятно – дальше Ростиславу следует идти одному.

– Что он сделал не так, Валерий?

– Он задает много вопросов, Ростислав Иванович, – не поднимая взгляд на него, ответил охранник. – Много ненужных вопросов.

– На предмет?..

– О прошлом и настоящем Глеба Анатольевича.

– Да? Странно, я не давал ему таких указаний. – Ростислав подергал плечами, расслабляясь.

Всего-то. Ерунда какая.

– Давайте, Валерий, спишем это на чрезмерное любопытство.

– Любопытство само по себе губительно, Ростислав Иванович, – негромко проговорил охранник Зайцева уже ему в спину. – А чрезмерное особенно. Передайте ему, пожалуйста, лично от меня.

Ростислав нахмурился и не ответил. И так уделил достаточно внимания какому-то охраннику.

Он вошел в эту часть кафе, скинул куртку на руки швейцару. Перед зеркалом провел рукой по коротко стриженным волосам. Подхватил почти пустой портфель и шагнул в обеденный зал.

Зал был пуст, не считая склонившегося над тарелкой Зай-

цева. Тот сидел к входу спиной. Нехороший знак.

Почему он так сел? Спиной к человеку, который вот-вот войдет. Что это может значить – он не боится меня? Не уважает? Или он вообще никого не боится? Никого, кто возит-ся, шушукается, вредит ему за спиной. Похоже, что так, других вариантов нет.

По сверкающему дубовому полу он наконец добрался до Зайцева.

– Добрый день, Глеб Анатольевич. Не помешаю?

Встал над ним, нарочно не спешил присесть. Протянул руку. Зайцев швырнул нож на тарелку, нехотя ответил рукопожатием. Кивком указал на место напротив. На вопрос не ответил.

Ростислав уселся. Уставился на человека, который досаждал ему своей несговорчивостью уже который месяц. Вот так близко им еще не доводилось встречаться. Нет, может, и виделись когда-то давно, но он этого не помнил. Шальная молодость сводила с разными людьми – кто проскользнул незамеченным, кто нет.

Насмотрелся вдоволь, пока тот доедал свой антрекот с картошкой.

Седой на всю голову. Широкий и крепкий в плечах. Недорогой костюм, простая рубашка – у охранника дороже. Может, нарочитая простота, может, так привык. Лицо симпатичное, глаза серые, переносица перебитая, но его не портит. Оно и понятно: бывший спортсмен, бывший тренер – нет косточки

не ломаной, нет жилочки не тянутой, н-да...

– Насмотрелся? – нарушил тишину Зайцев. Снова со звоном швырнул нож с вилкой на тарелку, откинулся на спинку стула. – И что скажешь?

– Ничего, – с нарочитым спокойствием ответил Ростислав.

Но насторожился. Тыкает, хотя еще и не знакомились, – это плохо. Значит, не уважает. И уважать не станет. Смотрит холодно, равнодушно. Тоже нехорошо. Значит, не договорятся.

– Землю эту, гражданин Яковлев, я тебе не отдам. – Здесь Зайцев совсем уже непотребно сложил пальцы в кукиш и выбросил его над столом. – Хрен тебе, а не земля.

– Что так?

Ростислав улыбнулся. Он не нервничал, он был готов к такому ответу. Правда, не в такой грубой форме. И с какой стати он гражданин? Не в допросной поди сидят – в обеденном зале дорогого кафе. И не извозчики они вроде, чтобы с ходу тыкать друг другу и кукишами размахивать.

Быдло, однозначно. Заполз во власть с ринга и думает, что здесь хуком справа можно все решить? Ну-ну.

– А вот так. Просто не хочу тебе ее отдавать, и все. – Тонкие губы Зайцева расплзлись в ядовитой улыбке. – Есть народ, точнее, представители от него.

– Депутаты, что ли? – чуть более небрежно, чем требовалось, поинтересовался Ростислав.

– Они, они, – покивал Зайцев, но взгляд не смягчился. – Вот и они-то как раз и решат судьбу этих земель. Не слышал небось, что такая процедура возможна? Везде привык в щель пролезать?

– Отнюдь, Глеб Анатольевич, отнюдь. – Ростислав замахал руками. – Полноте! Все по закону. Все только по закону, а не в обход его. Потому и с вами как с представителем закона говорю. Лично!

– Зря говоришь. – Зайцев сложил губы трубочкой, будто нацелился поцеловать его, но передумал. – Больше я тебя не задерживаю, Яковлев.

– Ага. – Ростислав швырнул на стол портфель, в котором ничего, кроме документов на машину, не было, распластал локти. – Стало быть, великий пан меня больше не задерживает? А ничего, что я, может, пообедать хочу? Именно здесь. Говорят, антрекоты здесь знатные.

Вытянул вверх правую руку, призывно шевельнул пальцами. Долго любезничал с официантом, наконец сделал заказ. Откинулся на спинку и уставился на Зайцева, который почему-то не спешил уходить.

– Ой, вы все еще здесь, Глеб Анатольевич, – фальшиво удивился Ростислав, глянув на часы. – А я думал, что уже спешите к делам невероятной важности. К примеру, честным предпринимателям палки в колеса вставлять. А вы все еще...

– Заткнись и слушай, скоморох! – скрипнул зубами Зай-

цев и наклонился к нему через стол. Серые глаза сделались почти черными от бешенства. – Мне тебя сломать – плюнуть сложнее. Не забывайся! И шавке своей скажи, чтобы под ногами у моих парней не путался. Станет воду мутить или в дознавателя играть – шею сломаем. Понял меня?

Ростислав молча кивнул, во все глаза глядя на Зайцева.

Не так уж он и безупречен, как докладывал Игорек. Нервничает, легко впадает в агрессию. И манеры, что это за манеры для госслужащего? В самом деле, ведет себя как грузчик портовый.

– От меня советую держаться подальше, Яковлев. Пока советую. – Указательный палец Зайцева заплясал перед его лицом. – Но могу перейти и к контрмерам.

– К каким, например?

Ростислав попытался втянуть голову в плечи. Со стороны он выглядел теперь подавленным и испуганным. Никто бы, кроме Заботина, не догадался, что творится у него в душе.

Он замер в предвкушении. Сейчас, вот сейчас Зайцев забьет последний гвоздь – и все, победа. Они победили малой кровью. Почти ничего для этого не деля.

– Ты же, Яковлев, наверняка химичишь с налогами. И двойная бухгалтерия у тебя, как у всякого процветающего коммерсанта, имеется. – Зайцев загибал пальцы прямо перед его носом. – Мне тебя нагнуть... Короче, догадываешься, да?

– Угу.

Ростиславу принесли салат и стакан минеральной воды.

Он схватился за него, припал к краю, утопил торжествующий взгляд в пузырьках, лопающихся у самого носа.

– Только я работаю честно, Глеб Анатольевич. – Он резко поставил стакан на стол. – Пытались. Многие пытались до вас отжать мой бизнес. И налоговиков посылали. И пожарных. И санитарный надзор. Кого только не засылали ко мне ваши предшественники, чтобы отобрать мое дело.

– Не собираюсь я ничего у тебя отбирать, – поморщился Зайцев. – Просто прошу: не лезь ко мне, не проси ни о чем. Диалога не будет.

Ростислав был недоволен: разговор повернул не туда, куда ему нужно. Зайцев сейчас мог встать и уйти, а еще не время. Того, что он наговорил, маловато для обвинения.

– Вы официально признаете, что станете меня притеснять? – Он осторожно подцепил вилкой пучок рукколы.

– Не стану я тебя притеснять, если не вылезешь из своей ниши, Яковлев. Но если еще раз попытаешься рыться в моем прошлом, искать на меня компромат – я тебя просто зарюю. И тебя, и твоего помощника.

– Ух ты. – Глаза холодно блеснули. – И силенок хватит, чтобы зарыть нас с Заботиным? И закона не боитесь, Глеб Анатольевич? А как же наши семьи – хотите их осиротить?

– Семьи. – На зайцевском лице впервые нарисовалось что-то кроме холодного равнодушия. – Вот о семьях вам с ним и нужно прежде всего думать. О женах, детях и их безопасности.

– Опа, вы уже и нашим семьям угрожаете, Глеб Анатольевич? – ахнул с притворным испугом, снова спрятался за стаканом с водой. Отдышался после трех глубоких глотков, глянул на собеседника с укоризной. – Не с того начинаете, господин Зайцев, не с того. Если мой помощник нечаянно узнал о внебрачном ребенке, существование которого вы скрыли от электората, это не дает вам права угрожать нашим детям.

Он разыграл свой козырь великолепно. Он выждал время, он его высидел. И па-па-па-пам – получил то, что хотел.

Зайцев оказался на редкость предсказуемым, даже скучно сделалось. Не такой уж он достойный противник. Чего, спрашивается, Заботин паниковал?

Зайцев вскочил, в прыжке обогнул стол. Схватил Ростислава за грудки, приподнял со стула и наговорил такого!..

– В общем, Игореша, он у нас с тобой вот где. – Ростислав крепко сжал оба кулака и на секунду выпустил руль. – Подождем месяц-другой, время терпит. Земля подождет. И тогда запустим свой план. Я эту сволочь свергну с трона, так и знай! Тех унижений, которые довелось там вытерпеть, я ему не прощу. Он у нас в руках. Вместе со всей своей вшивой командой.

– Это хорошо, – осторожно улыбнулся Заботин и потер шею. – А зачем ждать так долго? Вдруг они нас опередят?

– В чем?

– Вдруг догадаются, что у нас на него теперь есть compro-

мат?

Ростислав покосился на Заботина, с кислым видом вертевшего пуговицу на модном синем тренче.

– Если ты не разболтаешь, не догадаются. – Он свернул с загородного шоссе на проспект в сторону их офиса. – Им ни за что не догадаться, как я записал весь разговор. Карманы я вывернул. Мобильника при мне не было. Никаких авторучек, побрякушек – ничего. Я даже ключи от машины оставил охраннику. Откуда им было знать, что записывающее устройство в замке портфеля, а? Откуда им известно, что аппаратура в состоянии его определить, только когда он включен? А включил я его уже в обеденном зале, так-то, Игореша.

– Это да. Только все равно как-то мне неуютно.

Заботин завозился на пассажирском сиденье. Осторожно погладил мягкий портфель, в котором ничего, кроме документов на машину, не было. Ах да, еще записывающее устройство, вмонтированное в аккуратный замочек.

– Чего тебе неуютно, Игореша?

– Не дает покоя одна мысль, Ростислав Иванович. – Заботин печально улыбнулся.

– Валяй.

– Вот скажи, с чего такой осторожный человек, как Зайцев, вдруг так откровенно подставился? Орал на тебя, угрожал. Он же не дурак.

– Но и не такой умный, как ты о нем говорил. Я его просто

чем-то раздражаю, Игореша. А вот чем? С первой минуты он смотрел на меня с ненавистью. Знаешь, даже закралась мысль, что мы с ним когда-то перешли друг другу дорогу.

– Такое возможно?

– А кто его знает, Игореша. Сам знаешь, как дело начиналось. Как лес рубили, как щепки летели... Не помню, хоть убей.

– Он меня не помнит, – проговорил Зайцев, усаживаясь в свою машину. – Валера, самое печальное, что эта мразь меня не помнит! Абсолютно.

– Вам не следовало так выходить из себя, Глеб Анатольевич. – Валера осторожно глянул на босса. – Пристегнитесь. Пожалуйста.

Зайцев нехотя подчинился. Нервно потянул за ремень, с третьей попытки попал в защелку. Машина тронулась. Оба молчали. Наконец, Зайцев не выдержал.

– Да, не сдержался. Виноват, – развел он руками. – Наговорил лишнего. Но свидетелей же нет. Ты сам контролировал официантов. Обыскал хоть его – «жучков» на нем не было?

– Я не обыскивал. Просто досмотрел.

– Просто? Досмотрел? – вытаращился Зайцев. – А если?..

– «Если» исключаются, Глеб Анатольевич. Моя аппаратура ничего не зафиксировала. На нем не было ни-че-го. Чистый. Мобильника не было, карманы пустые.

– Хорошо, хорошо, – отмахнулся Зайцев. – Ты профессионал, я тебе доверяю.

Снова замолчал, погрузившись в раздумья. Времени было предостаточно: они – как будто специально – попали в пробку. Поворот налево, для объезда заблокировала дорожная техника. Словом, ехать им теперь с Валерой час, никак не меньше. Вот и хорошо, будет время привести мысли в порядок, успокоиться. К семье он должен вернуться спокойным, уверенным в себе сильным мужиком. Не неврастеником, которого легко может вывести из равновесия какой-то пижон.

Вспомнил самоуверенного, вежливого, холеного Ростислава Яковлева и еле сдержался, чтобы не застонать от ненависти и не начать рвать обивку кресла на куски.

Где он только научился так держать себя в руках? Помнится, много лет назад он таким не был. Когда стоял перед ними по колено в грязи и глотал сопли с кровью из разбитого носа. Неужели он ничего не помнит? Или у него таких разборок было много, когда или ты или тебя?

– Портфель. – Валера вдруг резко вильнул. Сзади возмущенно загудели.

– Что портфель? – не понял Зайцев – он еще весь был там, в воспоминаниях.

– Мне не понравился его портфель. – Валера затормозил на обочине и виновато глянул на хозяина.

– Почему не понравился? – Тот не понял, пожал плеча-

ми. – Классный портфель. Дорогая кожа.

– Он был почти пустой.

– Не понял. – Зайцев развернулся, уставился на него.

– В портфеле не было ничего, кроме документов на машину! Почему? – Валера крепко сжал кулак и тут же впился в него зубами. – Я что-то просмотрел. Что-то же там было! Может, диктофон?

– Да не было там ничего. Он его даже не открывал. Или я чего-то не пойму. – Зайцев недоуменно подергал плечами, подбородком. – Портфель ты обыскал?

– Обыскал.

– Ничего, кроме документов на машину, не было?

– Не было.

– В чем тогда дело? – Он кивнул в сторону забитой трассы. – Мы бы уже знаешь сколько проехали, если бы не твои истерики!

Валера виновато кивнул, снял машину с тормоза, осторожно начал сдавать влево. Через пару минут он уже нагло выруливал поперек потока. Уступали, куда деваться? Час пик – кому охота потом торчать из-за него в плотном кольце, дожидаясь полицейских.

Остаток пути они не разговаривали. Валера делал вид, что сосредоточился на дороге. Зайцев усиленно изображал, что дремлет. Оба были напряжены – сравнивали, вспоминали все детали встречи. Когда Валера остановил у ворот арендованного Зайцевым дома, оба выпалили одновременно:

– Не могло там ничего быть.

– Не могло, значит, и не было. – Зайцев протянул ему руку, крепко пожал. – Портфель ты обыскал? Обыскал. Внутри ничего не было.

– Не было, голову даю на отсечение.

– Аппаратура твоя ничего не зафиксировала?

– Так точно, Глеб Анатольевич.

– Никаких лишних телодвижений он при мне не делал, в портфель не залезал, не суетился.

– Так точно.

– Значит, все чисто.

Зайцев полез из машины и сразу недовольно зафыркал: за воротник попал дождь. Валера проводил босса до ворот. Еще раз пожал ему руку, виновато заглянул в глаза.

– Да ладно тебе! – Тот понял его мгновенно. – Нормально все.

– Не дает покоя мысль, зачем он его все-таки взял на встречу, портфель этот чертов?

– Попижонить, Валера, только и всего! – Зайцев выругался вполголоса. – Сколько помню этого скота, не мог он без штучек. Нормально пацаны одевались тогда, в дни моей молодости. Как мужики – свитер, рубашка, штаны. А этот непременно то платочек какой-нибудь повяжет на кадык, то зонт тросточкой купит. Даже стекла на машине первым из наших сделал черными.

– Затонировал, что ли? – не сразу понял Валера.

– Ага. – Зайцев опустил голову, повозил ботинком по мокрому асфальту, как будто искал что-то, хотя в вечерней слякотной тьме ничего видно не было. – И девчонок возил, дурех, покататься будто бы. А сам такое с ними вытворял, сволочь! И ведь доказать ничего невозможно – никто не видел, кого он вез, кого потом высаживал.

– А его пытались привлечь? – заинтересовался Валера.

– Власти, имеешь в виду?

– Да.

– Нет, Валера, власти его не трогали. Никто ведь не заявлял. Я о другом.

Зайцев подавил тяжелый вздох и, чтобы не растревать себя, принялся раздавать указания на завтра. Потом кивком простился, шагнул за ворота. Минуту стоял под дождем, мысленно репетируя предстоящий семейный ужин с вопросами, ответами, несмешными дежурными шутками. Представил осторожную улыбку жены, не знающую, как реагировать на его бородатый юмор.

Все как всегда – уныло, предсказуемо, постно.

Зайцев нацепил усталую улыбку, с которой ежедневно входил в дом, и двинулся по дорожке. На крыльце застыла жена, которую он ни единого дня не любил так, как должен был любить. Как она того заслуживала.

Глава 5

За ужином они трое – отец, Светлана и Алина – никогда не разговаривали. Так было заведено. Есть следовало молча, чтобы неосторожным словом не разрушить иллюзорную гармонию, не перебить никому аппетит. Вот после еды – пожалуйста, милости просим в кабинет хозяина. Тогда уже и жаловаться можно, и просить, и претензии предъявлять. Правда, претензий к нему, к Ростиславу Ивановичу Яковлеву, не было ни у кого и никогда. Он в этом доме был царем и богом. Он здесь повелевал, казнил и миловал.

Но сегодня с самого начала все пошло не так. Он сам нарушил тишину, когда глянул на опухшее лицо жены и вдруг спросил:

– Света, что-то не так?

– Что?

Она вздрогнула, уронила вилку на край тарелки. Звон показался оглушительным. Светлана смутилась, подхватила вилку, зажала в руке так, как будто собиралась нанести ею удар. Алина даже догадывалась, кому этот удар предназначался. Насупилась, затихла. Ростиславу эта возня с приборамми показалась наигранной и фальшивой. Он вдруг разозлился и вопреки правилу, самим установленному, повторил:

– Я спросил, что с тобой сегодня.

– А что со мной?

Она выпустила вилку, и та беззвучно упала на салфетку. Пухлая ладонь Светланы с дорогим маникюром, который удивительно не шел ее коротким пальцам, исчезла со стола, затерялась где-то на колене, в складках безупречной скатерти.

– Почему ты ревела? – напрямую спросил он.

– Я? Ревела? Нет, тебе показалось. – Она отвечала отрывисто, как будто рапорт сдавала.

Уставилась в полупустую тарелку, на которой отвратительно съежился кальмар на пару.

Она терпеть не могла такую еду. Она бы с удовольствием съела сейчас тарелку картофельного пюре с салатом. Или горку тушеного мяса с помидорами. Или пасту под сливочным соусом. Но нельзя, Ростислав помешан на правильном питании. Пожить хочет подольше, сохранить здоровье и красоту. И получается ведь у мерзавца.

А у нее – нет. Не выходит быть молодой и красивой. Молодость и красоту сожрали синтетические гормоны, которые она поглощала пачками, пытаясь забеременеть. Но – не вышло. Ничего не вышло: ребенка нет, фигуры нет, красоты нет. И вдобавок приходится жрать всякую гадость, от которой тошно.

– Света, повторяю вопрос: почему ты плакала? С нетерпением жду ответ. Правдивый ответ!

Ростислав дожевал остатки со своей тарелки, аккуратно вытер рот льняной салфеткой, швырнул ее на стол. Оперся

основаниями ладоней о край стола. Глянул на нее требовательно, холодно.

Как же она ненавидела этот его взгляд. И все в этот момент в нем ненавидела. И все, что ему принадлежало: дом, достаток, положение. Даже его дочь, которую воспитала.

А почему, собственно, должно быть иначе? Она в нее всю душу вложила, а что в ответ? Хамство, недоверие, вранье. А дальше чего ждать? Вот состарится Светлана. Окончательно состарится, когда Ростислав перестанет заглядывать к ней в спальню и прятать от нее своих многочисленных любовниц. И что тогда? Как поступит его дочь? Тоже станет ее игнорировать? Или примет сторону мачехи и осудит неверного отца? Ой, вряд ли.

– Правдивого ответа хочешь? Хорошо. – Света выудила руки с колен, поправила пряжи, с вызовом глянула на Алину. – У нас проблемы с дочерью, Ростик.

– Проблемы? С дочерью? – Он растерялся.

Если честно, он думал, что Светка встретила в городе Стеллу и расстроилась из-за этого. Он и сам расстроился, когда узнал от Заботина, что Стелла вернулась из Америки.

По слухам, вернулась насовсем. И не одна, а с малышом, которого гордо выгуливала в колясочке по улицам. Опять же, по словам Заботина, удачливого аспиранта, который получил сразу и грант в Америке, и Стеллу, при ней не было. И еще Заботин сказал, что она стала даже красивее.

– Материнство ей к лицу, – забил последний гвоздь Иго-

рек сегодня за ланчем. – Всерьез опасаясь, дружище, что ты ее увидишь и просто не сможешь сдержаться. У меня вопрос: а как же секретарша Саша? Она же тебе уступила...

Насчет Саши могла Светка что-нибудь пикантное узнать и разреветься от этого. Но чтобы она ревела из-за Алинки! Этого не было никогда прежде. Ни разу. Не потому, что Светка ее не любила, нет. Просто с Алинкой проблем не было никогда. Таких проблем, чтобы из-за них стоило плакать.

– И что за проблемы?

Ростислав глянул на дочь. По обыкновению залюбовался. Алина была чудо как хороша. Сложена прекрасно. Красивое лицо, ухоженные волосы, нежная кожа. Прекрасно воспитана. Здесь Светкина заслуга, разговора даже нет. Ему-то все время некогда.

– Что-то не так с экзаменами? – Он наморщил лоб, пытаюсь вспомнить, какой по счету экзамен сдала дочь. – Вроде все в порядке было.

– Да при чем экзамены, Ростислав? – непозволительно возвысила голос Светлана. И ткнула пальцем в притихшую насупившуюся Алину. – Твоя дочь встречается с мальчиком!

– Ох боже ты мой! – Ростислав прикрыл глаза ладонью и тихонько рассмеялся. – Было бы чего пугаться! Света, а ты что, думала, она вечно твоей юбки держаться станет? Ей семнадцать.

– Но это голытьба, Ростислав, – чуть не перебила жена, чего прежде никогда себе не позволяла. – Это парень с фаб-

ричной слободки!

– Ладно, не думаю, что это так серьезно. Так ведь, малышка? – Он подмигнул Алине.

– Он хулиган!

– Ой, Светка, не драматизируй. – Он продолжал посмеиваться, тут же вспомнил собственную скандальную репутацию в далекой юности. – Поиграет наша девочка в опасную игру и бросит. Ей через пару месяцев лететь за границу. Через полгода и не вспомнит, кто такой этот парень с фабричной, как ты говоришь, слободки.

– Ты уверен? – Света изогнула идеальные брови – хоть что-то от ее красоты не тронуло время. – Уверен?

– А что не так?

– Она сказала, что не полетит ни в какую чертову за границу. Конец цитаты, дорогой.

Ростислав нахмурился. Поблуждал глазами по стенам, по столу. Решил, что разговор на эту тему будет долгим и серьезным. Он начнет давить, Алинка расплачется, Света станет орать. Конечно, все будет, как он решит, – пусть плачут, орут, сопротивляются сколько угодно. Все будет, как он скажет. Но не сегодня. Не именно сейчас.

Именно сейчас хотелось выйти из дома. Сесть за руль, покататься. Проехать по тем самым улицам, где, как утверждает Игорь Заботин, любит катать своего малыша Стелла. Ему очень, до зарезу хотелось ее увидеть. Просто посмотреть. Издали. Как идет, как поворачивает голову, как склоняется над

коляской. Как что-то шепчет ребенку и улыбается ему.

Поэтому ему сейчас не до соплей семейных.

– Все, поговорим потом. – С сосредоточенным хмурым видом он поднялся из-за стола. – Я отъеду по делам. Ненадолго. Алина, дождись меня. Будет разговор.

– Папа, я хочу учиться в России. – Дочь встала, перегородила ему дорогу. – Я никуда не полечу. Буду учиться в России.

На него смотрели сердитые голубые глаза, точь-в-точь как у него. Губы сжаты. Руки сведены за спиной. Не отступит, это ясно. Будет биться до победного.

А может, и ладно? Может, пускай остается здесь? Он будет видеть ее всегда, как захочет. Сможет контролировать.

Кстати.

– Что за парень, дочка? – Ростислав обхватил ее лицо руками, поцеловал в обе щеки. – Видно, неплохой парень, раз ты ради него...

– Она с ним спит, Ростислав! – взвизгнула Светлана. – Она с ним спит на съемной квартире! Шатается по всяким опасным местам. И уже не раз посещала этот, как его?... – Жена беспомощно оглядела столовую, пощелкала пальцами, закатила глаза, пытаюсь вспомнить. – Квест! Вот! – Она не раз уже посещала это сомнительное место, где проходит эта глупая опасная игра.

Его руки, только что касавшиеся щек дочери, упали, как у тряпичной куклы. Повисли вдоль тела. Отступил на шаг.

Что? Что только что сказала Света? Что Алина, его милая, серьезная, умная дочка, спит с каким-то голодранцем? Да вообще не важно, кто он! Важно, что она с ним – что? Спит? Да она еще...

Еще каких-то пять лет назад она сидела вечерами у него на коленях и требовала сказку на ночь. От нее пахло сладким молоком, леденцами, он целовал ее в лоб на ночь и без конца просил повторить, как она любит своего папочку. А Алинка сжимала кулачки крепко-крепко, прижимала локоточки к бокам и, зажмурившись, шептала: «Сильно-сильно». И он задыхался от нежности и тревоги за нее.

И прошло-то всего каких-то пять лет. А теперь она – что? Спит с кем-то? На съемных квартирах? И что за чертов квест, скажите, пожалуйста? Что за дикость такая?

– Это модная игра. Погугли, папа, погугли! – Светлана едко улыбнулась. – Пока ты под чужие юбки заглядываешь, к твоей дочери тоже...

– Молча-ать! – страшно взревел он.

И с такой силой шархнул по столу кулаком, что Светина тарелка подпрыгнула и недоеденный кальмар соскользнул прямо на белоснежную дорожную скатерть.

– Ты! Еще хоть слово! – нацелил он палец на Светлану и тут же перевел его на Алину. – А ты дуй в свою комнату. И не выходи оттуда, пока я не вернусь. Вернусь – будем говорить. Seriously! Я все сказал.

И пошел прочь. От них обеих. От их отвратительных исто-

рий, от испортившихся отношений. А они испортились, это он понял.

Светка постарела, подурнела и совсем не выглядит на свои тридцать четыре. Дополнительный десяток на ее обвисших боках и пухлых щеках. Конечно, она ревнует его к многочисленным бабам, о которых знает. Ревнует к Алинке, которую он обожает.

И что теперь? Что будет дальше?

Все налаженное годами лопнуло, пошло трещинами. Эти трещины будут расти, пока однажды не распахнется пропасть. Эти две женщины станут чужими друг другу. А он, что станется с ним? Алина, конечно, не перестанет быть его дочерью и через сто лет. И он по-прежнему будет ее любить, даже если она начнет совершать одну ошибку за другой. А вот как быть со Светкой?

Идиот, он же не ушел от нее к Стелле тогда только из-за Алинки. Думал, что Светлана заменила его дочери мать, все у них сложилось замечательно и он не вправе сиротить Алинку дважды. И не должен поступать так подло с женщиной, отдавшей всю себя. Пожертвовал своей любовью ради счастья дочери, ради семейного покоя. И вдруг – здравств, приехали: Светка и Алинка теперь чужие друг другу. А ему что делать со всем этим? Получается что – его жертвы напрасны?

Он сел за руль и поехал. Просто в никуда. Медленно катил по улицам вечернего города, послушно уступал дорогу всем

нервным и торопливым. Неспешно думал, сопоставлял. Выходило так себе. Это вам не бизнес-план, это жизнь. Какую стратегию тут применишь, каких финансовых затрат это будет стоить. А душевных, душевных рисков как можно избежать?

Как он очутился возле этого ресторанчика – сам не понял. Подсознание его, что ли, туда привело, шут его знает. Уже припарковался и вышел из машины и только тогда понял, где он.

Маленький уютный ресторанчик в тупике сразу за поворотом с центральной улицы. Кто не знает, не найдет ни за что. Слева и справа от входа здоровенные липы, по три с каждой стороны. В начале лета они буйно цвели, аромат кружил ему голову, забивал легкие нежной сладостью, он задышался, останавливаясь под ними в пору цветения. Или это от счастья ему не хватало дыхания?

Между липами пристроились дубовые скамейки на чугунных ножках. Здесь постоянно тискались парочки. Небольшая площадка перед ресторанчиком тщательно выметена. Здесь всегда было чисто. За стеклянными двойными дверями приглушенный свет. И швейцар, застывший по ту сторону дверей, кажется, все тот же – высокий худой мужик в отутюженной ливрее. Увидел Ростислава, поднял приветственно руку. Неужели узнал? Сколько лет прошло! Года два, а то и больше с тех пор, когда они со Стеллой последний раз здесь ужинали.

Им нравилось здесь бывать. Народу немного, никакого шума, суеты. Столики отделены один от другого высокими диванными спинками. Верхний свет горел редко. На каждой столике – красивый светильник под ажурным колпаком. Можно и свечи зажечь. Вот спроси его сейчас, как там готовили, – не ответит. Они почти не прикасались к еде. Все говорили, говорили, держались за руки, целовались без конца. И еще мечтали, да. Много мечтали. А он потом все эти мечты предал. И ради чего?

Идиот!

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался швейцар, принимая у него куртку. – Давно вас не было.

– Добрый вечер. Да, давно.

Ростислав замер у высокого зеркала в резной старинной раме. На мгновение прикрыл глаза. Ощущение, что сзади стоит Стелла и поправляет на его спине рубашку, было почти осязаемым и очень болезненным.

– Вот, возьмите. – Швейцар, который здесь был и гардеробщиком, сунул ему в руку номерок. – Она вас ждет.

– Кто?

Ростислав покосился на мужика в ливрее. От возраста, что ли, не в себе? Кто, что ждет? Куртка?

– Ваша девушка вас ждет. – Швейцар неожиданно молодо улыбнулся и привычно подмигнул ему, как тогда, несколько лет назад. – Кажется, она сидит за тем же самым столиком. Пятым, если не ошибаюсь.

Стелла! Она!

Она сидела на самом краю диванчика, спиной к выходу. Он сразу увидел ее, когда ворвался в зал. Узкая спина, изящная талия, тесно обтянутая темным платьем. Она всегда любила вещи в обтяжку. Волосы пострижены и едва достают до плеч. Непривычно, раньше она никогда не стриглась так коротко. И цвет, цвет волос не такой, как раньше. Скорее русая, чем шатенка.

Но это была она. Она, его любимая женщина, которой он грезил, по которой страшно скучал. Что он должен, что он может ей сейчас сказать? На что имеет право? Что надеется услышать в ответ? И его ли она здесь ждет?

– У меня сейчас просто сердце лопнет, – проговорил он скороговоркой, с разбегу усаживаясь на диванчик напротив нее. – Ты? Это ты!

– Я. – Голова склонилась к правому плечу – ее любимое движение. Губы тронула улыбка, которую он помнил, которая ему снилась сотню раз. – Это я. Привет.

Губы, глаза, шея, руки – все любимое, родное. Так хотелось все это трогать, целовать. Он тяжело дышал, разглядывая ее. Пальцы, стиснутые в кулаки, подрагивали.

– Ты кого-то ждешь? – спросил Ростислав.

Он не знал, как может теперь к ней обращаться. Раньше все было так просто. Так естественно было называть ее любимой, единственной, родной. Сейчас стеснялся. Он не имел права ни на что.

– Жду.

Стелла коротко кивнула. Волосы шевельнулись, заползли на щеки. Он чуть не застонал от желания протянуть руку и заправить пряди ей за ушки. Как раньше. Как еще два года назад.

– Кого?

Он спросил, потому что должен был спросить. Он должен быть готов к визиту какого-то типа. Которого, не зная, уже ненавидел.

– Тебя, – вдруг сказала Стелла и улыбнулась – забыто, нежно, любяще. – Жду тебя, Яковлев. Третий вечер подряд здесь жду. Даже загадала: если придешь, значит, ничего не кончилось, ты все еще любишь меня. Если не придешь – тогда все. Все кончено.

– Я пришел! – перебил он. Встал, шагнул к ней и, тесня ее от края, уселся к ней на диванчик. – Я пришел, любимая, пришел. И я так соскучился!

Что было потом? Что было потом, что было потом...

Потом было давно забытое сумасшествие. Они сорвались с места, даже не успев сделать заказ. Сели в его машину и, как по команде, набросились друг на друга. Прямо там, в машине на стоянке, он любил ее. Любил так, как не любил, кажется, никогда до этого. Он боялся моргать, смотрел на нее, не отрываясь, воскрешал в памяти каждую черточку ее лица, каждый изгиб ее тела. Он помнил ее запах, каждый вздох ее, каждый стон. Он задыхался сам, торопился, умолял его про-

стить, хватал ее губами, крепко сжимал. Пару раз причинил ей боль – чтобы почувствовать, это точно она, что она живая. Боялся, что она вдруг исчезнет снова на пару лет.

Когда все закончилось, он долго не мог натянуть одежду – тело сковала странная слабость. Руки не слушались, в пальцах покалывало, в голове шумело.

– Эй, милый! – Стелла тихо рассмеялась ему в ухо, цапнула зубами за мочку. – Ты жив?

– Даже не знаю. Прости, я, наверное, был не сдержан.

– Ерунда. – Она беспечно махнула рукой, подтянула колготки, одернула платье. Села ровно. И тут же принялась помогать ему застегивать рубашку. – Ой, пуговица оторвалась. Надо бы пришить, а то Светлана тебе скандал устроит.

– К черту Светлану. К черту всех! – Он потянулся к ней снова, поцеловал в шею. – Я никуда тебя больше не отпущу.

– Хорошо. – Стелла вдруг сделалась серьезной. Выставив ладошку, удержала его от очередного поцелуя, заставила отстраниться. – Это как раз то, что мне сейчас нужно.

– Что именно? – Он поддернул штаны, застегнул ремень.

– Твоя поддержка. Твоя помощь.

На последних словах ее голос неожиданно дрогнул. Он забеспокоился.

– Стелла, малышка, что-то случилось? Я набросился на тебя, как павиан, прости. Даже не спросил, как ты все это время. У тебя ребенок? Я слышал, что ты вернулась с ребенком. А его отец, он отпустил тебя навсегда? Вы расстались?

– Как много вопросов. – Стелла, откинулась на спинку сиденья, уставилась в ветровое стекло. – Как много вопросов. А я отвечу, знаешь! На все твои вопросы отвечу! По порядку. Что-то случилось, спрашиваешь? Да, случилось. Случилось, что у меня ребенок, которого я забрала у мужа. Мы развелись. А мой муж, оказывается, давно принял американское гражданство. И ребенок, мой ребенок, теперь гражданин другой, не моей страны. И я, получается, его похитила. Не просто увезла к себе на родину, а украла, похитила. Не удивлюсь, если меня уже разыскивает Интерпол.

– Боже, ужас какой!

Ростислав растерялся, замолчал. Заставил себя сосредоточиться, хотя выходило не очень. Нервное напряжение после скандала с домашними, неожиданная встреча со Стеллой, бешеный секс на заднем сиденье – все это ему уже не по годам. Хоть ему слегка за сорок, времени на восстановление после такого стресса теперь требуется больше. А тут сразу столько информации. Не очень приятной информации.

Его любимая, чистая Стелла, получается, вернулась домой преступницей? Украла у мужа собственного ребенка, так выходит. И просит помощи – у него. А он-то чем здесь поможет? Пойдет войной на ее бывшего мужа, гражданина другой страны? Бред. Спрячет от всех ее ребенка? Это, конечно, можно, но он пока не представлял как. Надо думать. Не теперь, когда только-только отдышался, когда едва успел натянуть штаны.

– Я хорошо знаю тебя, Славик. – Она всегда его так называла. – Ты растерян и не представляешь, чем именно можешь мне помочь, так?

– Не знаю, здесь надо думать. Хорошо думать. Все взвесить.

– Ты растерян. Это понятно. – Ее ладошка легла ему на грудь. – Но все просто, дорогой. Все намного проще, чем ты думаешь.

– И насколько проще?

Мысли, честно, путались. Сейчас глоток крепкого кофе был бы кстати. Но возвращаться в ресторан растрепанными как-то не очень. Можно купить кофе на заправке. И пару пончиков. Он ведь так толком и не поужинал. Горячее съел, а любимые закуски остались нетронутыми. И привычный десерт ему не дали попробовать любимая дочь и надоевшая жена. Проблемы, проблемы. Сплошные проблемы!

– Насколько проще? – повторил он, потому что Стелла вдруг затихла, съежилась. – Эй, малыш, ты чего? Говори.

– Надо будет в суде признать, что ты отец моего ребенка. И тогда у Алекса не будет шансов его вернуть.

Она отвернулась от него к окну, за которым метались ветки старых лип. Отвернулась, давая ему время подумать и не торопиться с ответом. Так было всегда. Они всегда тщательно подбирали слова, чтобы не ранить друг друга и не спровоцировать вспышку недовольства.

Ростислав успел об этом забыть за те два с половиной года,

что они не виделись. Не воспользовался паузой, воскликнул возмущенно:

– Что признать, отцовство? Стелла, о чем ты говоришь? Это же просто смешно. Это нереально.

– Почему? – чужим голосом отозвалась она.

– Да потому, черт возьми, что будет экспертиза. И не одна. И обнаружится факт моего обмана. Под суд пойдем вместе.

И сразу промелькнуло, что скандальные процессы ему сейчас ой как не нужны. Они с Заботиным готовят захват земель, которые Зайцев никак не желает отдавать. Ничего, отдаст! Непременно отдаст, иначе втянется в такую неприятную историю, что не отмоеся никогда. Компромат уже готов и ждет своего часа.

Да, будет борьба, но дело того стоит. Он к этому долго шел, долго готовился.

И что теперь? Отступить? Перед Зайцевым, перед этим быком, у которого он в далекой юности увел девчонку? Он ведь вспомнил. Все вспомнил. И как Зайцев его потом унижал перед своими дружками. Как бил. Как в грязь на колени ставил. Он все вспомнил и ни за что не отступит. То, что предлагала сейчас Стелла, не лезло ни в какие ворота. Просто шло вразрез с его планами.

Два скандала ему точно не потянуть. И оба такого уровня!

– Хочешь сказать, что из-за каких-то там делишек с главой ты мне не поможешь? – воскликнула Стелла, когда он ей все это изложил.

– Не могу я пойти на подлог в самый разгар войны с ним, пойми, малышка. – Ростислав попытался ее обнять, но она резко вырвалась. – Нашу с тобой ложь он использует как козырь. Он опрокинет меня на обе лопатки, если узнает, что я затеял судебную возню с дядей из-за океана. Причем возню заведомо проигрышную.

– Яковлев, а ты скотина, – изрекла Стелла, как будто зачитала диагноз. – Ты отказываешь мне? Ты, единственный человек, на чью помощь я так надеялась, отказываешь! Просто из-за того, что это может не пойти на пользу твоему бизнесу? Ну и скотина.

– Малыш, малыш, погоди! – Он поймал ее руки, шарившие по дверной обшивке в поисках ручки. – Давай все обсудим. Все обдумаем. Если нельзя решить законно, давай найдем другие пути. В обход! Мы можем дать твоему ребенку другие имя, фамилию. Можем документально оформить ему других родителей. Ты уедешь с ним, спрячешься. А когда шум стихнет, года через два-три, отыграем все назад.

– Здорово! Просто класс! Пытаешься снова на пару лет куда-нибудь меня спихнуть, чтобы я не путалась под ногами? Не досадила своим присутствием, своими просьбами... Ты хоть понимаешь, что происходит, Яковлев? У меня хотят забрать ребенка! Моего ребенка! Которого я родила, выкормила. Ты понимаешь, что такое лишиться ребенка?

Она впервые так кричала. Впервые за всю историю их отношений. В темноте машины ее лицо казалось белым пят-

ном с черной дырой рта, из которой на него сыпались упрёки. Она вспомнила все! Все до перепутанных много лет назад подарков. Он тогда купил Светке на Восьмое марта золотые часы, а Стелле – духи. Французские, между прочим, тоже не копеечные. Полез в пакет и по ошибке достал не ту коробку. Потом, сконфуженно улыбаясь, забрал у нее коробку с часами и вручил другую. Стелла улыбнулась, сказала, что все нормально, что она не обиделась.

А оказалось что? Что и обиделась, и нормально не было ничего, и она такая же, как и все другие, алчная, злопамятная стерва.

– Господи, как же я устал-то от вас от всех! – выпалил он неосторожно.

И тут же получил по лицу. У него, если честно, в глазах потемнело от неожиданной боли. Щелкнул дверной замок, потянуло холодом. Стелла выскочила на улицу.

– Сволочь! – крикнула она, съездившись под порывом ветра. – Ничего не изменилось, Яковлев! Ничего! Ты все такая же трусливая сволочь!

– Не кричи, пожалуйста.

Он с опаской поводил глазами по крохотной парковке. Вроде никого. Перед входом в ресторан тоже безлюдно. Единственный, кто мог наблюдать их ссору, – швейцар. Да и то, если бы приплюснул нос к стеклу. Но швейцара у дверей не было. Уже неплохо.

– Ты пожалеешь, Яковлев, – крикнула Стелла. – Ты очень

пожалеешь о том, что сказал.

– Стелла, девочка моя, успокойся, – бормотал Ростик, открывая дверцу и не особо рассчитывая, что она его слышит. – Не надо так драматизировать. Мы что-нибудь придумаем.

Он не выбрался на улицу, не полез с водительского сиденья. Поостерегся подходить сейчас к ней, разъяренной. Она станет отталкивать его, кричать. И тогда-то швейцар, силуэт которого снова замаячил за стеклянной дверью, точно все увидит. А Ростислав этого не хотел. Ему нельзя быть замешанным в скандале. Пока нельзя.

Он так и не подошел к ней. Завел машину и медленно выкатился с площадки перед рестораном. И, конечно, не мог слышать, как женщина, которой он грезил все эти годы, испуганно шепчет ему вслед:

– Ты пожалеешь, мерзавец! Ты очень пожалеешь! Ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь!

Глава 6

Алина нервно отдернула штору на окне. С улицы, от гаража на нее смотрел отец. Смотрел и грозил пальцем. Он снова куда-то собрался – один, без Светланы. После памятного скандала они почти не разговаривали.

А ведь прошло уже много времени! И спали они теперь в разных спальнях. Не в тех, которые соединены общей дверью, а в тех, что на разных этажах. В разных концах дома.

Волновало ли это ее?

Ощущения были двойственными и незнакомыми.

Неприятно, конечно, что отношения у родителей испортились. Семья вдруг разбилась на два фронта. К которому из них примкнуть – она не знала. Она любила и отца, и Светлану. Заняв одну сторону, она предаст вторую. Она так не хотела.

В доме стихли разговоры, шаги сделались приглушенными. Не хлопали двери, не слышно смеха. Как после похорон, честное слово! За обеденный стол теперь садились кому когда вздумается и почти не замечали друг друга.

Но именно эта, нерадостная, на первый взгляд, сторона дела ее неожиданно стала устраивать.

На нее перестали обращать внимание. Перестали учить, воспитывать, нудить насчет Антона. Она с ним так и не завязала. И не собиралась – у них все было хорошо. Даже ста-

ли складываться какие-то планы на ближайшее будущее.

Она сдала почти все экзамены, остался один, легкий. Сдала все на отлично. Отец рассеянно похвалил. Светлана со вздохом кивнула и пробормотала, что не сомневалась в ее способностях. И все! Никакого тебе праздничного ужина, подарков, тортика. Раньше победу в городской олимпиаде отец готов был отмечать неделю. Светлана трещала несколько дней и волокла ее по бутикам – отметить событие.

Сейчас – тишина. Никому до нее не было дела. Никому, даже деду. Он вдруг в разгар ее выпускных экзаменов улетел к приятелю в Хабаровск. Вроде как порыбачить. Но Алина подозревала, что дело в другом.

Она ему нагрубила. Жестоко нагрубила месяца три назад. Сильно обидела, назвала человеком посторонним в их семье и поэтому многое не понимающим. Дед молчал минут двадцать, потом попросил ее уйти. И больше не звонил, не звал к себе на чай. Не простил ей, что назвала посторонним.

А какой же он посторонний? Он самый что ни на есть родной. Отец ее родной матери, которая умерла, когда Алине было четыре с половиной года. Он был единственной памятью о ней. В его доме повсюду ее фотографии. А вот у них в доме фотографий матери почти не было. Светлана постаралась. Причем очень давно.

– Не пойму, что тебя не устраивает? – Инка изумленно выкатила на нее глазщи. – Все же просто замечательно. Ты свободна, понимаешь?

Свободна!

Что делать с внезапно обретенной свободой, Алина пока не знала.

Да, проводила почти все свободное время с Антоном, и никто ее не дергал. Да, возвращалась домой, когда хотела, и никто ее не ругал. Да, собралась вот сегодня вечером за город на квест без родительского позволения.

И что? Какой кайф в том, что делаешь это все просто так, не обходя запреты?

– Да, Яковлева, – качала головой Инка и покручивала у виска пальчиком. – Тараканов в твоей башке прорва. Даже больше, чем в моей. Я бы до потолка прыгала, ослабь сейчас папаша цепь, на которую меня посадил. Дышать не дает.

– Что, все так плохо? – посочувствовала Алина.

– Ужас! Просто ужас, подруга! – Инна поджала задрожавшие губы, тут же шлепнула себе ладошкой по шее. – Я все время чувствую на затылке его глаза. Каждую минуту. Жду не дождусь, когда в рейс укатит. Сегодня в ночь вроде собрался. Скорее бы уже!

– А зачем он вообще туда катается, а, Инк? Он же хозяин.

– Сама не пойму.

Инна покусала тонкие губы, зачем-то оглянулась – как будто боялась, что подслушают. Снизил голос до шепота:

– Мне кажется, он кого-то выслеживает.

– Выслеживает? Кого? – Теперь Алина покрутила пальчиком у виска. – Детективов начиталась? Сама говорила, что

он каждый раз с разными водителями ездит без всякого графика. Кого ему выслеживать?

– Понимаешь, я тут разговор недавно подслушала. Уборщица со сторожем трепались.

Алина громко фыркнула и закатила глаза.

– Нашла авторитетный источник. Еще воробьев послушай – чего-нибудь начирикают.

– Зря ржешь, Яковлева. – Вид у Инки сделался несчастным, и она с раздражением ковырнула ногтем подсыхающий прыщ на скуле. – Понимаешь, они болтали, что кто-то из наших водителей наркоту перевозит в грузе.

– Да ладно! – Алина шлепнула подругу по руке. – Прекрати ковырять, пускай само пройдет. И что, отец твой выслеживает, кто именно?

– Может, да, а может, и нет. – Инна послушно убрала руку, сунула в карманы джинсовки. – Мне кажется, что водители ни при чем. Кто-то им это дерьмо подсовывает.

– В каком смысле? – Алина зажмурилась и замотала головой. – Ничего не понимаю. Что значит подсовывает?

– Машина загрузилась у клиентов, так? Готова к отправке. Загрузилась с вечера, допустим. В рейс выходить часа в четыре утра, к примеру. Машина на стоянке у нас на фирме. Так?

– Не знаю.

– Вот. Утром водитель уходит в рейс. Разгружается в конечном пункте. И среди прочего выгружает фигну, которую

у него забирает подъехавший дядя. Понятно?

– Не очень.

– Что тупишь, Яковлева? Что тебе непонятно?

– Ваши водители ездят по всей стране. Вон отец твой то с одним, то с другим водилой колесит по разным маршрутам. С какой радости этому дяде кататься по стране?

– Это просто, подруга. – Инна незнакомо, по-взрослому глянула на нее. – Чтобы не спалиться.

– Да так только быстрее спалишься. Выгрузил из фуры, переложил себе в машину – и на первом же полицейском посту привет.

– Значит, он не ездит мимо постов. Значит, поставка всегда осуществляется в определенные места. А отец катается, как идиот, со всеми подряд, потому что до сих пор не понял схему. Может, есть три-четыре города, куда поставляют. Просто не попались пока.

– Кто не попался?

Алина недовольно поджала губы. Разговор ее утомил. Достала вообще с этой ерундой.

Инка с тех пор, как пошла работать к отцу, заважничала. Корчит из себя, понимаешь, взрослую бывалую тетку. Даже на выпускной передумала идти. Ладно, может, устает. Может, ритм жизни непривычный. И спрашивают с нее, вон сама жалуется, как с опытного сотрудника, а ей еще вникать и вникать. Это все понятно. Но огород зачем городить? Какие наркотики? Какие поставки? Давно бы уже все попались –

кто-нибудь обязательно бы проболтался. Вон даже уборщица со сторожем знают об этом секрете.

– Инка, по-моему, это все чушь. Не надо слушать сплетни. И потом, у вас же груз печатывается...

– Вот именно, Яковлева! Как ты не поймешь тупой своей башкой? – заорала вдруг Инна. – Печатывается груз после того, как машина попадает к нам на стоянку.

– И что тебя смущает?

– То, что печатывает все мой старший братец Вовка. Вовка печатывает, понимаешь? – разошлась она, даже руками замахала. – Получается, он в этом деле?

– Ха, – Алина закатила глаза, – тебе совсем крышу снесло. Отвлекись, пожалуйста. Давай лучше подумаем, в чем на игру пойдем.

– Без разницы, – рассеянно отозвалась Инка. – Закрытая комната, надевай что хочешь. Слушай, а давай как-нибудь одинаково оденемся! Помнишь, в прошлый раз мы были в одинаковых черных водолазках, в черных джинсах, с одинаково зачесанными хвостами? Стильно смотрелись, нас же даже отметили за это.

– Помню, – кивнула Алина. – Был приз за имидж.

– Приз, правда, фиговый, – подхватила Инна после паузы. – Тортик, подумаешь. Лучше бы скидку сделали. Ладно, по паре штук с носа – выдержим. Но насчет прикида ты подумай. Давай вместе подумаем.

Сошлись на спортивных костюмах – черное с красным.

Узкие, тесные, прелестно обрисовывают их ладные фигурки.

– И волосы давай одинаково заплетем, ага? – не унималась Инка.

Алина глянула на себя в зеркало. Французская коса, которую бесподобно плела их домработница Надя, сегодня вышла не очень. Волосы сильно стянуты, лицо сузилось, под глазами темные круги – след почти бессонной ночи. Она вернулась со свидания с Антоном под утро. Ситуацию нужно срочно исправлять.

Она уселась перед туалетным столиком. Час наносила макияж.

– Ничего себе боевой раскрас, – присвистнул Антон, встретив ее на загородной остановке, откуда широкая грунтовка вела напрямиком к старому заводу, где проходила игра. – Зачем так накрутилась?

– А мы с Инкой договорились, – соврала Алина и подставила щеку для поцелуя. – В одинаковых костюмах с одинаковыми прическами и макияжем.

– Инка уже там, звонила дважды. Идем? – Антон взял ее за руку. – Вся группа в сборе. Нас ждут.

– А кто еще будет?

Алина стащила с головы бейсболку, отерла лоб. Зря они с Инкой так вырядились. Костюмы хоть и тонкие, но воздух почти не пропускают. Не спасали короткие рукава и брюки до середины голени. Июнь начался с теплых дней, и пока термометр не опускался ниже двадцати четырех. Если их сно-

ва запрут в душевной комнате с неработающим кондиционером, как в прошлый раз, будет жечь. Да, надо было одеваться иначе.

– Ничего подобного! – Инкины глаза из-под козырька бейсболки азартно поблескивали. – Выбор правильный, подруга. Нам тут бонус подкинули, прикинь.

– Что за бонус? – Алина и Антон переглянулись. – Снова тортик?

– Нет, не тортик. Нас за ту же цену на другую игру поставили.

– С чего вдруг? – Антон подозрительно прищурился. – Что за игра?

– Перформанс! – выдохнула Инна на французский манер и округлила глаза. – Актерская группа будет. Просто супер! Я уже пробежала глазами правила – реально круто. Это на полторы тысячи дороже, но нам выходит со скидкой. Идет почти три часа. Это вам не в душевной комнате сидеть – там препятствия надо преодолевать. Бегать, прыгать, спасать, спастись. По ходу костюмчики наши, подруга, в тему. В юбочке по трапу как-то не очень, согласись. Все, идем, а то без нас начнут.

Антон, не выпуская ее руки, пошел следом за Инной вдоль двухметрового бетонного забора, недавно выкрашенного известью. Шлагбаум на бывшей проходной послушно дернулся вверх. Крепкий малый с травматикой под мышкой приветливо им козырнул и улыбнулся.

– Симпатичный охранник, – промурлыкала Инка, виляя крепкой попкой. Они втроем шли к бывшей конторе завода, ныне офису модной точки. – Надо же, так улыбнулся.

– Он всем улыбается, – хмыкнула Алина. – Работа такая.

Поднялись по лестнице, прошли через железную дверь. Все те же, что и в прошлый раз: стены, облицованные декоративным красным кирпичом, фотографии участников, стойка администратора. Администратор тот же – худощавый мужчина средних лет в черной рубашке и летних серых брюках. За его спиной распахнутая дверь операторской. Алина успела заметить с десятков работающих мониторов и широкую спину оператора, тоже в черном.

Все под контролем. Она, не глядя, подписала бумаги. Сдала мобильник вместе со всеми.

– Все внимательно прочли? – в третий уже раз спросил администратор, собирая бумаги в стопку и пряча их в папку.

Все закивали.

Их было шестеро: Алина, Инна, Антон и еще трое. Двое парней – знакомые Антона и девушка – подруга одного из парней. Эти трое держались особняком, поздоровались даже сквозь зубы. Как с такими играть в командную игру – Алина не представляла.

– Готовы к испытаниям? – скупой улыбнулся администратор, провожая их до входа в лабиринт. – Никто не заноет?

Посыпались шуточки, раздался сдавленный смех.

– Понятно. Готовы. – Он трижды повернул огромных раз-

меров ключ в замочной скважине, встал спиной к низкой двери, сколоченной из толстых нестроганых досок. – От ссадин и царапин не занаете?

Тот же смех и шутки.

– Отлично! Желаю удачи!

Он распахнул дверь, жутковато заскрипевшую. По очереди втолкнул их внутрь, и немедленно с тем же диким скрежетом дверь за ними захлопнулась.

– Вперед! – скомандовал кто-то.

Натыкаясь друг на друга в полной темноте, они двинулись к мерцающему впереди светлому пятну.

– Дрянь какая-то, – шепнул ей на ухо Антон, когда кто-то из темноты принялся хватать их за щиколотки, за локти. – Знал бы – ни за что не согласился подвергать тебя опасности. Хорошо, фонарик прихватил. Возьми. Правилами запрещено, но пусть у тебя будет.

Он сунул ей в руку крохотный, размером с батарейку, фонарик. О том, что ей больше всего хочется повернуть обратно и выбраться из этой темноты, она предпочла промолчать. Группа ликовала, орала, ржала. Им всем нравилось.

– Так и будем в темноте блуждать? – вклинился в их хохот Антон. – Целых три часа?

– Погоди, погоди. Главное впереди, – пропел кто-то из парней. – Правила надо было читать.

Они прошли еще метров десять почти в полной темноте, натыкаясь боками и коленками на препятствия. Потом Али-

на неожиданно упала – споткнулась обо что-то. Рука Антона сразу выскользнула, на секунду сделалось неправдоподобно тихо. Потом она услышала гогот и шутки, но уже как будто издалека. Они за поворотом, сообразила Алина, нащупывая выступ стены. Она сейчас их потеряет! Кстати вспомнила о фонарике, хорошо хоть его не выронила, когда споткнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.